

УДК 811.511.115

М. В. Кошелева

**ПОКАЗАТЕЛИ ПРИЧАСТИЯ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ:
МЕЖДУ ИМЕНЕМ И ГЛАГОЛОМ**

Прибалтийско-финские причастия, будучи отглагольными именами, имеют двойственную природу, которая проявляется не только в наличии у них признаков именной и глагольной форм, но и в их показателях. В статье внимание привлечено к грамматическим показателям вепских причастий как свидетельствам двойственной природы этой части речи. Анализируются истоки формантов, участвующих в образовании трех грамматических классов причастий вепского языка. Одновременно анализируются модификации, произошедшие в фонетическом и грамматическом обликах вепских формантов на прибалтийско-финском фоне, а также звуковые изменения, происходившие на стыке основы и показателя.

Ключевые слова: вепский язык, причастие, история языка, deverбальные имена, показатели причастия.

Будучи отглагольным образованием, причастие несёт в себе признаки именной и глагольной форм. Яркий признак их глагольной природы – наличие категорий времени и залога. В свою очередь, именная суть проявляется в возможности их склонения по падежам и образования форм множественного числа, подобно имени.

В вепском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, причастие выступает в двух залогах – активном и пассивном, где активное имеет две временные формы (I и II причастие), а пассивное, в отличие от ряда родственных языков, только одну – формально прошедшего времени, которая обобщилась для обоих времен.

История вепских грамматических показателей, с одной стороны, уходит вглубь истории, в праязыковое время; с другой – свидетельствует о перипетиях собственно вепского этапа языкового развития, в частности, на уровне фонетики, а также в адаптационных процессах и в языковых аналогиях. В поле зрения исследователей они попадали главным образом в связи с анализом становления прибалтийско-финских глагольных форм [напр., Lehtinen 1979, Lehtinen 1984].

Собственно же вепские причастные формы анализировались в большей степени с синтаксических позиций [напр., Kettunen 1943, Grünthal 2015].

Показатель I причастия: выбор между двумя именными суффиксами

Именная суть данного разряда причастий убедительно доказывается генетическими истоками его показателей. В современном вепском языке первое активное причастие образуется с помощью суффикса **-i**, который всегда присоединяется к гласной основе глагола. Если это глаголы с двумя гласными основами, показатель присоединяется к долгой гласной основе. Другими словами, форма первого причастия образуется путём присоединения показателя первого причастия **-i** к той основе глагола, которая используется при образовании формы презенса индикатива: *lugeda* ‘читать’* – *luge-b* ‘читает’, где *luge-* – гласная основа, – *lugii* ‘читающий’, *sanuda- sanu-b* – *sanui* ‘говорящий’, *pagišta – pagiče-b – pagičii* ‘разговаривающий’, *rubeta – rubeda-b – rubedai* ‘приступающий’, *avaita – avaida-b – avaidai* ‘открывающий’, *söda – sö-b – söi* ‘едящий’. С присоединением форманта **-i** конечная гласная основы не изменяется, за исключением **-e**, переходящим в **-i**: *tege-b* ‘делает’ – *tegi* ‘делающий’, *mäne-b – mäni* ‘идуший’, *tule-b – tulii* ‘приходящий’.

В ряде прибалтийско-финских языков показатель данной формы причастия имеет другие истоки, он представлен формантом **-va** в финском, ижорском и водском языках, **-ba** или **-b** в ливском языке, в эстонском **-v** и восходит к праязыковому ***-pa**. В диалектных формах вепского языка можно встретить редкие следы бытования форм с показателем **-b**: *eläb* ‘живущий’, *palab* ‘горящий’, *tutab* ‘знакомый’, *kehub* ‘кипящий’. Будучи с точки зрения словообразования формами 1. активного причастия, они осознаются и, соответственно, используются носителями языка как имена прилагательные (иногда субстантивированные); *eläbil’ silmil’* ‘живыми [т.е. ‘своими] глазами’, *kehb* (< *kehub*) *vezi* ‘кипящая вода’, *tutab* ‘знакомый’, *tetab* ‘известный’ [Tunkelo 1946, 213]. Оба форманта (**-i**, **-b**) исторически восходят к финно-угорским именным суффиксам ***-ja** и ***-pa**, образующим название субъекта действия от глагольных основ [Наkulinen, 1979]. В то время как суффикс ***-pa** утратил в прибалтийско-финских языках эту функцию, перейдя в разряд грамматических показателей, суффикс **-ja** продолжает активно функционировать в роли словообразующего форманта. Ср. в вепском: *opeta* ‘учить’ – *opendai* ‘учитель’, *ombelta* ‘шить’ – *omblii* ‘швея’, *pajatada – pajatai* ‘певец’, *pagišta – pagičii* ‘оратор’, *kargaita – kargaidai* ‘танцор’. Иначе говоря, в вепских говорах форма 1. активного причастия совпадает с соответствующим отглагольным именем. Можно полагать, что закреплению в функции причастного показателя форманта ***-ja** (> вепс. **-i**), а не ***-ba** способствовало использование последнего в функции личного окончания 3 л. ед.ч. и свойственный системе языка принцип «иконизации» – стремление к размежеванию грамматических функций показателей.

* Русские переводы приводятся по СВЯ.

Форма пассивного причастия настоящего времени утрачена, наследие ее законсервировалось в практически единственном известном случае *södabad sened* ‘съедобные грибы’, где в *södabad* корневая морфема *sö-* ‘есть’ оформлена пассивным показателем **-da**, следом за которым выступает морфема **-ba** – теперь уже исторический показатель I причастия. Историческое причастие стало восприниматься прилагательным, и это способствовало консервации его облика. Однако в любом случае пример свидетельствует о былом бытовании утраченной позднее пассивной формы.

Показатель II причастия

Показатель второго активного причастия **-nu**, присоединяется к гласной основе (в глаголах с двумя гласными основами к долгой или исторической гласной основе): *jonu* ‘выпивший’, *varastanu* ‘ждавший’, *valičenu* ‘выбиравший’, *lūkäidanu* ‘ударивший’. Если глагол двухосновный (то есть имеющий гласную и согласную основы), показатель выступает следом за согласной основой: *tulnu* ‘пришедший’, *nolnu* ‘лизнувший’, *männu* ‘прошедший’, *purnu* ‘укусивший’.

Исторический показатель имел в прибалтийско-финских языках облик **-nut**, его истоки не вполне прояснены. Исходя из того, что другие показатели причастий генетически восходят к словообразовательным суффиксам отглагольных имён, такой же генезис возможен, по мнению исследователей, и для показателя **-nut**. Полагают, в частности, что в нём могли объединиться два исторических суффикса (**-na**, **-ut**), первый из которых **-na** известен в прибалтийско-финских языках как суффикс отглагольных имён: *humista* – *humina* ‘шум’, *kolista* – *kolina* ‘грохот’, *hurista* – *hurina* ‘шум’, *kohista* – *kohina* ‘шум’, *surista* – *surina* ‘жужжание’, *kahista* – *kahina* ‘шуршание’, *havista* – *havina* ‘шелест’, *päristä* – *päriinä* ‘дребезжание’. Истоки элемента **-ut** затемнены, есть предположение о его связи с именным диминутивным суффиксом **-ut** [Накулинен 1979, 225]. В вепских говорах в ходе исторического развития из прибалтийско-финского показателя был утрачен финальный согласный: ***-nut** > **-nu**, который, однако, реконструируется при склонении: *kehunudel vedel* ‘кипяченой водой’, *opendanudel prihaižel* ‘у обучившегося мальчика’, *kirjutanuded kirjeižed* ‘написанные письма’, *jonuded mužikad* ‘выпившие мужчины’, *venuded lehted* ‘лежащие листья’. По примерам видно, что он присутствует также в показателе **-nuded** формы множественного числа: < ***-nut** +**-e** (соединительная гласная) + **-t**, который, будучи именным показателем множественного числа, тем самым вновь подтверждает именной генезис причастной формы.

Видимо, исчезновение финального **-t** носит в определенной степени универсальный характер, ср. аналогичный процесс в формах 3 л. мн. ч.: *hö lähtoba* (< **lähtepät*), *tuloba*, *ottiba* и т.д.

При этом в результате действия фонетических закономерностей исторический прибалтийско-финский суффикс **-nut** со временем преобразовался в вепском в два варианта: **-nu** и **-nd**, а в ряде говоров сократился до **-n**. Этот процесс сопровождался грамматикализацией образовавшихся вариантов. Сформировавшийся в результате выпадения конечного **-t** вариант **-nu** обобщился в функции показателя причастия, вариант же **-nd-**, который, в свою очередь, есть результат

закономерной утраты гласного **u**, используется при образовании сложных глагольных форм, в частности, в конструкциях перфекта в южновепском диалекте, а также повсеместно при образовании отрицательных конструкций глаголов в имперфекте: *hän kolend om* ‘он умер’, букв. ‘он умерший есть’ [Зайцева 2002, 108], *ed g’ond* ‘не (вы)пил’, *ī tegend ni midä* ‘не делал ничего’. Примечательно в связи с тем, что в южновепских говорах, а также в уже полностью утраченном средневепском говоре Сяргозеро в этих случаях возможно появление **h** на месте первоначального **d**, т.е. **-nd** > **-nh**: *ohhāzed omad id’anhed* (< *itänüdet) ‘озимь проросла’, *järved jo sulanhed* ‘озёра уже растаяли’, *mö em radnuhud* (< *gātanüdet) ‘мы не работали’ [Tunkelo 1946, 195]. По мнению исследователей, форманты **-nude-** и **-nhe-** обладают одним и тем же источником происхождения. Такая фонетическая ситуация спровоцирована, по мнению Е.А. Тункело, карельским влиянием. В карельских говорах, как известно, в соответствующей позиции выступает **-h**, восходящий к историческому приб.-фин. ***δ**: *koadunehen* (Реболы), в ливвиковском наречии *andanuh, nossuh, mennüh* [Tunkelo 1946, 211].

Генезис и модификации показателя пассивного причастия

Причастие пассива в вепском языке довольно употребительно: оно выступает в предложении как определение, которое, в отличие от причастия актива, не изменяется по падежам, а также широко используется в образовании аналитических глагольных форм (перфект и плюсквамперфект) [Зайцева 2016, 120].

В вепском показателе пассивного причастия **-tud** с вариантами **-dud** и **-tut** выделяются три составных элемента: суффикс пассива **-t/-d-**, элемент **-u-**, очевидно, восходящий к историческому суффиксу производителя действия (напр., фин. *laulu* ‘песня’ ← *laulaa* ‘петь’) [Hakulinen 1979, 221], вепс. *maks: maksu-* ‘плата’ ← *maksta* ‘платить’, *lop: lopu-* ‘конец’ ← *lopta* ‘закончить’, *Sünd: Sündu-* ‘Бог’ ← *sünduda* ‘родиться’, *nit’: nitü-* ‘поле’ ← *nitta* ‘косить’, *kukoinlaun: kukoinlaunu-* ‘кукареканье’ ← *launuda* ‘кукарекать’). Завершает показатель финаль **-t/-d-**, об истоках которой см. ниже.

Собственно, показатель имеет праязыковые истоки. Для понимания его облика важно учитывать бытование в праязыке двух вариантов пассивного показателя: долгого ***-tta** и краткого ***-ta**, из которых долгий присоединялся к гласной, а краткий – к согласной основе [Häkkinen 1985, 129]. При этом в число исторически согласных входили и все односложные основы с исторической долгой гласной (типа **söö-*, **saa-*, **vee-*), а также завершающиеся на **-i**-овый дифтонг (*voi-*, *haravoi-*). Эта праязыковая закономерность в основных своих чертах продолжается в вепском языке с той оговоркой, что в нем исторический долгий показатель ***-tta** слился с кратким **-ta** в силу отсутствия в вепском геминат. Таким образом, в вепском языке вне зависимости от типа основы показателем пассива будет выступать **-tu**: *sanutud* ‘сказанный’ (следом за гласной основой), *riktud* ‘убитый’ (после согласной основы современных двухосновных глаголов), *avatud* ‘открытый’ < **avat-tud*, ср. фин. *avattu* < *avat-tu* (после согласной основы прибалтийско-финских исторических двухосновных глаголов), *mändud* ‘прошедший’ (вслед за звонкой согласной основой).

Наиболее проблематична в смысле облика форманта одна группа пассивных причастий, образованных от глаголов, в завершении которых в инфинитиве выступает элемент **-tada**: *abutada* ‘помогать’, *varastada* ‘ждать’, *meletada* ‘думать’ и др., причастия последовательно оформлены звонким показателем **-dud**, который может быть вызван диссимиляцией с **-t-** последнего слога основы: *abuta-dud*, *varasta-dud*, *meleta-dud*.

Кроме того, особого внимания здесь требуют одноосновные глаголы на **-da**. В причастиях, образованных от одноосновных глаголов, т.е. имеющих одну гласную основу, показатель может выступать в обоих вариантах (глухом и звонком), что зависит от количества слогов в глаголе. Для письменного языка сформулировано следующее правило [Зайцева 2000, 188]: если количество слогов в форме первого инфинитива (включая и инфинитивный показатель) нечетное, то показатель имеет вид **-tud** / **-tud**: *sulada* – *sulatud* (вепс.) и *sulaa* – *sulattu* (фин.) ‘таять – растопленный’, *lugeda* – *lugetud* (вепс.) и *lukea* – *luettu* (фин.) ‘читать – прочитанный’, *sanuda* – *sanatud* (вепс.) и *sanoa* – *sanottu* (фин.) ‘сказать – сказанный’, *kudoda* – *kudotud* (вепс.) и *kutoa* – *kudottu* (фин.) ‘вязать, прясть – связанный, спряженный’ и т.д. Эти формы характерны для трёх- (и редко пятисложных) глаголов и являются прямым продолжением исторически сложившихся форм. В случае четного количества слогов в 1. инфинитиве форма причастия будет заканчиваться на **-dud**: *toda* ‘приносить’ – *todud*, *söda* ‘есть’ – *södud*, *varastada* ‘ждать’ – *varastadud*, *mänetada* ‘проводить’ – *mänetadud*, *kirjutada* ‘писать’ – *kirjutadud*. Та же ситуация и в диалектах.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что показателем пассивного причастия в вепском языке является формант **-tud** (ср. в финском языке **-tu/-ty** в двухосновных глаголах, **-ttu/-tty** в одноосновных)*, а звонкий вариант **-dud** – это результат фонетической ассимиляции. В причастиях, образованных от двухосновных глаголов, звонкая согласная основы влияет на показатель **-t** причастия.

Здесь стоит обратить внимание на одноосновные глаголы с одной гласной основой. Почему же показатель пассивного причастия варьируется в данной группе? С точки зрения современного вепского языкознания показатель **-dud** присоединяется в том случае, когда слово состоит из чётного количества слогов (два и четыре). Такие двухсложные глаголы как *söda* ‘есть’, *löda* ‘бить’, *sada* ‘получать’, *voida* ‘мочь’, *toda* ‘приносить’, *joda* ‘пить’, *vedä* ‘вести’, *jäda* ‘остаться’ и др. исторически двухосновные [Кошелева 2016]. Глаголы, состоящие из четырёх слогов, двумя последними из которых являются **-tada**, составляют большую группу исторически одноосновных глаголов в вепском языке.

* В ряде глаголов при образовании причастия пассива возникают формы, в которых есть основание выделить показатель **-ted** (**-ded**): *jage-ted* ‘разделенный’, *pan-ded* ‘положенный’. Названный вариант показателя более всего популярен в средневепских западных говорах и отчасти в южновепских, а также в с. Пяжозеро, которое находится на стыке диалектных ареалов, тяготея к западновепским говорам. Можно предположить, что появление *e* спровоцировано тем *e*, который закономерно выступает в перед показателем пассива в глаголах с основой на **-a-**: *pidä-* : *pidetud* ‘подержанный’, *aja-* : *ajetud* ‘то, по чему проехали’ [см. подробнее: Зайцева 2016, 121].

Исторически прибалтийско-финский показатель пассивного причастия выступал в двух вариантах: **-tu** и **-ttu**, при этом краткий показатель присоединялся к согласной основе, а долгий – к гласной. В вепских говорах дистрибуция, соответственно, приобрела вид **-du** и **-tu**. Поэтому гласная основа оформляется показателем **-tud** (*sanatud*). Что касается односложных глагольных основ (*sö-da, jo-da, ve-dä*), то, считаясь в современном языке гласными, они исторически были согласными; соответственно, в них выступает слабый вариант показателя **-du** (*sö-dud, jo-dud, ve-dud*).

Итак, история показателя **-tud** отсылает, с одной стороны, к глагольному его генезису, выраженному показателем пассива; с другой – к именному, поскольку в качестве строительного элемента использован суффикс отглагольных имен **-u**. Эти два элемента вполне логичны в составе пассивного причастия. Истоки третьего элемента – конечного **-d** дискуссионны. Финальный согласный **-d** в составе показателя вепского пассивного причастия **-tud** / **-dud** не является общим для всех прибалтийско-финских языков [Rapola 1966, 46, 312]. Он отсутствует в показателях пассивного причастия у родственных вепскому финского и карельского языков (фин. *otettu* ‘взятый’, *luettu* ‘прочитанный’, кар. *moattu, tuldu* ‘пришедший’, *opaššuttu* ‘выученный’), хотя определенное его наследие прослеживается, например, в эстонском и ливском. Истоки последнего не вполне прояснены. В то время, как Лаури Кеттунен полагал влияние элемента **-t** показателя 2. активного причастия **-nut** [Kettunen 1929, 70], Э. А. Тункело резонно обращал внимание на хронологические несоответствия между ними: при том, что **-t** относительно рано был утрачен из **-nut**, он до сих пор функционирует в составе **-tut** ~ **-tud**. Сосуществование таких пар, как *otnu* и *ottud, nähnu* и *näh-tud*, противоречит гипотезе Л. Кеттунена. Сам Тункело полагает, что элемент **-d** может восходить к показателю партитива, на что косвенным образом указывают такие эстонские конструкции с глаголом *saama*, как *em ma saa seda tehtud*, ср. западнофинское соответствие *en saa sitä tehtyä* ‘не могу этого сделать’, где эст. *tehtud* и фин. *tehtyä* являются формами партитива второго пассивного причастия [Tunkelo 1946, 133–135]. Иначе говоря, предполагается, что уже относительно давно произошло переосмысление партитивной формы в номинативную и вследствие этого переложение в морфемном составе. Н. Г. Зайцева приводит дополнительные доказательства в пользу партитивного генезиса финального **-d**. Будучи застывшей формой партитива, вепское пассивное причастие не может образовывать более никаких падежных форм, ср. *kirjutatud sana* ‘написанное слово’ и *kirjutatud sanois* ‘в написанных словах’. При этом, однако, в вепских говорах возможны формы партитива мн. числа: *paištuid*’ (PartPlur) *nagrhid*’ *tehlim* ‘мы делали печеную репу’, букв. ‘печеных реп’, при *paištud* NomSing [Зайцева 2016, 123]. Показательны в связи с этим обнаруживающиеся в языке застывшие формы без финального **-d** типа *ristit* ‘человек’, букв. ‘крещеный’ – по образованию субстантивированное пассивное причастие. Они, кажется, свидетельствуют о бытовании в вепском языке в прошлом пассивных форм без финального **-d**, аналогичных карельским и финским. Историческое партитивное окончание в составе показателя пассивного причастия – еще один явный отымённый признак.

В ряде северновепских и средневепских говоров отмечаются колебания глухого и звонкого согласного в конце показателя. Там, в частности, возможны такие глухие варианты, как *pandut* ‘положенный’, *naittut* ‘женатый’, *riktut* ‘убитый’, *södut* ‘накормленный’, *mun’dut* ‘снесённый’, *kiittut* ‘похваленный’ и др. В говорах возможны случаи и полного выпадения из показателя конечного согласного. Более того, материал свидетельствует о том, что колебания **-d** ~ **-t** или даже их полное отсутствие встречаются даже в пределах одного диалекта. Так, все три варианта показателя пассивного причастия зафиксированы на территории проживания у средних вепсов.

В говоре с. Пелдуши:

Sinun, bajar, soba om vilu, sikš mišo touvou ombeltud ‘У тебя, боярин, одежда холодная, потому что зимой **сшита**’ (ОВР, 90); *Mišo ii tetaiž, mišto palos om semetud nagriž...* (ОВР, 86) ‘Чтобы не знали, что на пожоге репа **посеяна**’; *jäl’ghe mikulan päad ii semetud nikonz* ‘после Николиного дня никогда **не сеяли**’ (ОВР, 86).

В говоре с. Кекозеро:

A hänel g’o pöu lambhaspei ombeltut ‘А у него уже шуба из овчины **сшита**’ (ОВР, 45), *Ka ken bohat, ka šal’ päš ühtel händal sidotut, kudrit tehtut, guleitas* ‘А кто богатый, у тех шаль на голове одной рукой **завязана**, кудри **сделаны**, гуляют’ (ОВР, 46).

В с. Ниргиничи:

Minä olin oigetü tatal opendushe omblijaks ‘Я **была отправлена** отцом на учёбу швей’ (ОВР, 63).

При этом в силу ограниченного бытования глухих типов **-dut** и **-tut** на фоне господствующего звонкого принято считать, что они вторичны и, таким образом, первоначален вариант со звонкой согласной (**-tud**, **-dud**).

Подводя итог анализу образования вепских причастных форм, уместно еще раз подчеркнуть, что их показатели зафиксировали именную природу этих отглагольных образований еще на праязыковом этапе. Они либо напрямую восходили к соответствующим суффиксам deverbальных имен (*-**ja** > вепс. **-i**, *-**pa** > вепс. **-b**), либо в соответствии с общей логикой агглютинативных языков представляли собой комплексы примарных морфем, каждая из которых выполняла свою грамматическую функцию: **-nut** > вепс. **-nu** включил в свой состав deverbальный суффикс **-na**, а в формах множественного числа – еще и именной показатель множественности **-t** > вепс. **-d**.

В ходе самостоятельного развития вепского языка происходило дальнейшее развитие облика формантов, при этом как на уровне фонетики (напр., утрата конечного **-t** из первоначального **-nut**), развития по аналогии (ср. появление говорного **-ted** на месте примарного **-tud**), так – что особенно существенно – и морфологически, убедительным примером чего является развитие облика **-tud** показателя пассивного причастия с конечным согласным, восходящим к показателю партитива.

ЛИТЕРАТУРА

Зайцева Н. Г. Вепский глагол: Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. 288 с.

Зайцева Н. Г. Очерки вепской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 395 с.

Кошелева М. В. Дистрибуция показателей -ta/-da в I инфинитиве вепских двух-основных глаголов // «Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур»: Материалы научной конференции. Петрозаводск, 2016. С 111–115 [Эл. ресурс]. URL: https://petrsu.ru/files/user/a022f966948e4d-17d94348bf89007dc4/верстка_сборник.pdf

ОВР = Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепской речи. Л., 1969. С. 296.

СВЯ = Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. С. 754.

Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki, 2015. 350 s.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljas korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1979. 631 s.

Häkkinen K. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa. Turku, 1985. 116 s.

Kettunen L. Eestin kielen äännehistoria. Helsinki, 1929. 218 s.

Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943. 576 s.

Lehtinen T. Itämerensuomen verbien historiallista johto-oppia. Helsinki, 1979. 366 s.

Lehtinen T. Itämerensuomen passiivin alkuperästä. Helsinki, 1984. 45 s.

Rapola M. Suomen kielen äännehistorian luennot. Helsinki, 1966. 283 s.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. 228 s.

Поступила в редакцию 12.01.2018

Кошелева Мария Владимировна,

преподаватель,

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

185000, Россия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33

e-mail: koshelevamasha@bk.ru

M. V. Kosheleva

Participle Affixes in the Vepsian language: between Noun and Verb

The participle in the Finnic languages is a non-finite verb form with dual nature, manifested via nominal and verbal forms as well as special indicators. The article deals with grammar elements of the participle in the Vepsian language. The paper is concerned with the analysis of the origin of the affixes participating in the formation of three types of participles in the Vepsian language. The article also focuses on the phonetic and grammar modifications of the participle affixes in Vepsian in contrast with other Finnic languages as well as phonetic changes which took place at the junction of stems and affixes.

Keywords: the Vepsian language, participles, language history, deverbal nouns, participle affixes.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 2, pp. 19–27. In Russian.

REFERENCES

Zaitseva N. G. *Vepsskiy glagol: Sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie* [The Vepsian verb: The comparative research]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2002. 288 p. In Russian.

Zaitseva N. G. *Ocherky vepsskoy dialektologii (lingvo-geograficheskij aspekt)* [Samples of Vepsian dialectology (linguistic and geographical aspect)]. Petrozavodsk, Karel'skij nauchnij centr RAN Publ., 2016. 295 p. In Russian.

Kosheleva M. V. Distributsiya pokazateley -ta/-da v I infinitive vepsskikh dvukhosnovnykh glagolov [Distribution of -ta/-da affixes in the I infinitive of Vepsian verbs]. *Bubrikhovskie chteniya: karel'skaya nauchnaya shkola issledovaniya pribaltiysko-finskikh yazykov I kul'tur: Materialy nauchnoy konferentsii* [Bubrikh readings: Karelian research school of the Finnic languages]. Petrozavodsk, 2016, p. 111–115. In Russian. URL: https://petsu.ru/files/user/a022f966948e4d17d94348bf89007dc4/верстка_сборник.pdf

OVR = **Zaitseva M. I., Mullonen M. I.** *Obraztsy vepsskoy rechi* [Samples of Vepsian speech]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 296 p. In Russian.

SVY = **Zaitseva M. I., Mullonen M. I.** *Slovar' vepsskogo yazyka* [The Vepsian language dictionary]. Leningrad, 1972. 754 p. In Russian.

Grünthal R. *Vepsän kielioppi* [Grammar of Vepsian]. Helsinki, 2015. 350 p. In Finnish.

Hakulinen L. *Suomen kielen rakenne ja kehitys* [Structure and history of Finnish]. Helsinki, 1979. 631 p. In Finnish.

Häkkinen K. *Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa* [On history of Finnish phonetics and morphology]. Turku, 1985. 116 p. In Finnish.

Kettunen L. *Eestin kielen äännehistoria* [History of Estonian phonetics]. Helsinki, 1929. 218 p. In Finnish.

Kettunen L. *Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus* [Research on the syntax of Vepsian dialects]. Helsinki, 1943. 576 p. In Finnish.

Lehtinen T. *Itämerensuomen verbien historiallista johto-oppia* [History of verbal word-building in Finnic languages]. Helsinki, 1979. 366 p. In Finnish.

Lehtinen T. *Itämeren passiivin alkuperästä* [On the origin of the Passive Voice in the Finnic languages]. Helsinki, 1984. 45 p. In Finnish.

Rapola M. *Suomen kielen äännehistorian luennot* [Lectures on the history of Finnish phonetics]. Helsinki, 1966. 283 p. In Finnish.

Tunkelo E. A. *Vepsän kielen äännehistoria* [On the historical phonetics of Vepsian]. Helsinki, 1946. 228 s. In Finnish.

Received 12.01.2018

Kosheleva Mariia Vladimirovna,
Teacher,

Petrozavodsk State University,
33, ul. Lenina, Petrozavodsk, 185000, Russian Federation
e-mail: koshelevamasha@bk.ru